

ДИСКУССИЯ

О. Б. Гуцуляк

ИЗНАЧАЛЬНЫЙ АРХЕТИП УКРАИНЫ И РОССИИ

Понятие «Православие» (греч. «Ортодоксия») генетически связано с ведическим *Рта-Дакша*, авестийским *Артха-Дасена* (эквивалент др.-рус. *Ряд-Десница*), то есть направлением «вправо» (против часовой стрелки), движением солнца с востока на запад («посолонь»; попытка И. Кунцевича ввести крестные шествия «осолонь» вылилась в православный резистанс XV-XVI вв.). Это — путь Традиции внуков Солнца-Дажьбога на территории *Украины*, славянские корни названия которой (*Ук-* и *Рай-*) тождественны санскритским корням самоназвания Индии Бхарата — «воспитанная», «культурная», «традиция». Путь Традиции на земле Традиции порождает у идущего им чувство убежденности о достижении желаемого результата, мобилизует эмоционально-психологический эффект, вызванный выполнением *ритуала «по Солнцу»*, впервые введенного небесным Богом-Предком (повторение пути первопредка-тотема), а именно — воссоздание естественной субстанции без установки на её изменение. А современное жалкое состояние человечества (смертность, «испорченность», «железный век», «калийюга») воспринимается как логическое следствие прошлого, игнорирование этого пути, и, соответственно, как новая возможность исправиться, преодолеть «ностальгию за идеалом», за Эдемом, «золотым веком».

Интересен взгляд, согласно которому доминантен *общеславянский архетип «Рай-Сад-Царство»*, этакого солнечного *«Заветного царства»* примордиальной (изначальной) Традиции (по нашему мнению, *украинская писанка, «яйцо-райцо»* являются символом, *иконой этого «потерянного райского царства» славян*, сконденсированного пространства и сконденсированного богатства, разновидность «мандалы», которая, как известно, не только диск, но любая икона с центральным образом, Луной и Солнцем).

Некоторые ученые считают, что «рай человечества эпохи палеолита» был именно на территории Украины и что именно тектонический разлом земной коры в Украинском кристаллическом щите обусловил особенное геомагнитное и иное геофизическое влияние на формирующихся наших предков, что незатопляемые на протяжении сотен миллионов лет со времен Силлурийского периода Подолье и Житомирщина есть мистическим местом планеты, аналогично ландшафту австралийского континента, неизменного со времени Юрского периода. Интересно, что само название Подолье может быть сохранило название

известного из древнеиндийский преданий райского царства богов-асуров Паталы («Покрова», «Крыша») со столицей Бхогавати (то есть на реке Буг), в котором — дворец царя Васуки (не путать с буддийской Поталой — «Пристанью», дворцом далай-ламы в Лхасе).

Якобы Россия реализовала архетип «Заветного царства» в дальнейшем в форме политического «Странствующего Царства»: Русь ведь катиться, её царство — даль и ширь, горизонталь [1, с. 226], пространство, одновременно, как дорога, соединяя восток с западом, мир живых и мир мёртвых с помощью «хозяина на дороге» (жреца-царя) [2, с. 59, 65, 67]. На каждом новом этапе политической истории Россия «отрекается от старого мира» и «опустошает национальные пантеоны» [3, с. 77], «преображается» (по мнению С. Франка, В. Эрн, Б. Вышеславцева), «богоборствует» (именно для русского модернизма, по Л. Сталюергу, руководящим стал солярно-космический миф о борьбе культурного героя с Солнцем, что символизирует победу над временем).

Одним из выразителей этой традиции стала «слободизация» России: «слободское» непременно обозначает временное, в любой момент готовое к изгнанию, снесению и перемещению, то, что обустроивается кое-как, чтоб день прожить, принципиально чуждое укоренению [4, с.86]. «... крестьянские поселки, — пишет В. Ключевский, — по Волге и во многих других местах Европейской России доселе своей примитивностью, отсутствием простейших житейских удобств производят, особенно на путешественника с Запада, впечатление временных, случайных стоянок кочевников, не нынче-завтра собирающихся бросить свои едва насиженные места, чтобы передвинуться на новые. В этом сказались продолжительная переселенческая бродячестъ прежних времен и хронические пожары — обстоятельства, которые из поколения в поколение воспитывали пренебрежительное равнодушие к домашнему благоустройству, к удобствам в житейской обстановке» [5, с. 69–70]. Т. Шевченко эту слободизацию» определил так: «... В великороссийском человеке есть врожденная антипатия к зелени, к этой живой блестящей ризе улыбающейся матери природы. Великороссийская деревня — это, как выразился Гоголь, наваленные кучи серых бревен с черными отверстиями вместо окон, вечная грязь, вечная зима! Нигде прутика зеленого не увидишь, а по сторонам непроходимые леса зеленеют. А деревня, как будто нарочно, вырубилась на большую дорогу из-под тени этого непроходимого сада, растянулась в два ряда около большой дороги, выстроила постоянные двory, а на отлете часовню и кабачок, и ей больше ничего не нужно. Непонятная антипатия к прелестям природы» (1857).

Вторым выразителем есть «юрродство и кликушество»: «... в России народ не только чтит, но почему-то любит своих духовных уродов. Будто чувствует, что бессмысленные вопли не совсем так уже ни на что не нужны и жалкое существование бездомного бродяги не так

уже отвратительно. И в самом деле — придет час, и ... каждый из нас бросит накопленные сокровища и пойдет, как идут босые странники или как, по словам апостола, пошел Авраам, сам не зная, куда идет» [6, с. 350–351]. То есть, Россия до сих пор пребывает в плену той схемы мифологического универсума, который не столько создан, сколько перманентно создается: его бытие определяет постоянно действующая в пограничной ситуации генетического контакта хаоса и ойкумены позиция крушения-творения, а приоритеты «... шокирующе совпадают с приведенными Э. Фроммом признаками некрофильной ориентации» [7, с. 1]. В свое время, пытаясь вскрыть семиотическую подоплёку данного русского архетипа, Ю. М. Лотман определил, что для русской культуры характерны бинарные структуры и что только коренное изменение в отношениях Восточной и Западной Европы, происходящее на наших глазах, даст, якобы, возможность перейти на общеевропейскую «тернарную систему» (сохраняются определенные ценности предшествующего периода, перемещая их из периферии в центр системы, и осуществляется попытка приспособить идеал к реальности) и отказаться от идеала «разрушать старый мир до основания, а затем» на его развалинах строить новый (т.е. осуществить на практике неосуществимый идеал) [8, с. 257 – 270].

В украинцев наоборот, общеславянский архетип «Сада-Рая-Царства» реализован в форме «особого места» (*locus amoenus, Heimat*), «НАШЕГО периметра пространства» (Украина), в котором чувствуется в своей приватности единство целого (например, межэтническое «мы — казаки»), а в целом — своя приватность (неповторные «я» — сначала как русич, литвин, молдаван, лях, черкес, абазин, татарин, затем — как наделенный определенной характерной особенностью, закреплённой в смешном «прозвище-фамилии»). Интересным есть то, что в год гибели Запорожской Сечи (1775) на ином конце индоевропейского цивилизационного пространства рождается государство — США — на этой же идее сосуществования («братолюбия», «филадельфии») эгоцентрических «я» в границах совершенного Закона (Конституции), уважающего эгоизм, но ограничивающего свободу только в крайних случаях угрозы эгоизмам равноправных «я» и эгоизму корпоративно-государственному.

Украина (ср. с санскр. *ukhraiia* «холм, курган») предстает как своеобразный медиум между человеком и универсумом, «вертикаль», по сравнению с *Россией* — «горизонталью» (уместно здесь вспомнить любимый тезис А. Дугина о вертикальной связи разных онтологических, иерархических пластов, присущих истинно-нордическому, и о горизонтальном уровне пародирования и имитации, присущего гондваническому; тут А. Дугин парадоксально оказывается оппонентом горизонтального евразийства). Это пространство, где, следуя М. Элиаде, религиозный человек реализует свое желание «жить во священном», быть в объективной реальности, не дать парализовать себя нескончаемой

относительностью субъективных опытов, в действительном, а не иллюзорном мире [9, с. 26]. «... Ибо мистика является приключением, приключением вертикальным: устремляясь ввысь, она овладевает иной формой пространства» [10, с. 224].

Человек в Украине реализует себя не просто как «Человек Пространства», сформированный и обусловленный специфическим качеством пространства — рельефом, ландшафтом, как это лишь видится А. Дугину [11, с. 13], а как человек «сакрального пространства», «священного круга», «центра мира», где встречаются Небо и Земля, где в человеке осуществляется эта встреча, через него проходит касание всех миров и всех связей — прошлого, нынешнего и будущего.

Вот как это описал Ф. Достоевский, внук волынского униатского священника Андрея Достоевского: «...Белые башни и золотые главы собора сверкали в яхонтовом небе... Тишина земная как бы сливалась с небесною, тайна земная соприкасалась со звездною... Какая-то как бы идея воцарялась в уме его — и уже на всю жизнь и на веки веков. Пал он на землю слабым юношей, а встал твердым на всю жизнь бойцом и сознал и почувствовал это вдруг, в ту же минуту своего восторга. И никогда, никогда не мог забыть Алеша во всю жизнь свою потом этой минуты. «Кто-то посетил мою душу в тот час», — говорил он потом с твердой верой в слова свои...» («Братья Карамазовы»); «... Невдалеке была церковь, и вершина собора с позолоченной крышей сверкала на ярком солнце. Он помнил, что упорно смотрел на эту крышу и на лучи, от неё сверкавшие; оторваться не мог от лучей: ему казалось, что эти лучи его новая природа, что он через три минуты как-нибудь сольётся с ними» («Идиот»).

Да и *идея геополитического изоляционизма России*, оказывается в сущности последним всплеском, *последним вздохом славянского духа «ввысь и к небу»*, но так и нереализованного из-за *порабощения имманентным горизонтальным проектом «Империя»*: она «...подчеркнута высшим взлетом русской национальной архитектуры — шатровым зодчеством. Традиционный византийский крестово-купольный храм изображает символически Церковь как корабль, как ковчег спасения, открытый для всякой твари и устремленно плывущий на Восток. В русском шатровом храме, как в образцовом Вознесенском, построенном в Коломенском именно при Василии III, никакой открытости нет, никакой твари внутрь не приглашается, он никуда не плывет. Он — стоит. Его единственный вектор — вертикаль вверх, к небу, это не корабль, а *столп*, при благоприятном духовном ходе превращающийся в лестницу. Своеобразная антитеза Граду Китежу — уход, но только не вниз, под воду, а наверх, в небо. Коломенское Вознесение — это монумент вдохновенному экстатическому отчаянию Филофея — два падоша, третий стоит, четвертому не быти, значит нужно стоять одним и до конца. Здесь

изоляциянистская утопия достигает крайнего богословского и аскетического напряжения, становится сама по себе духовным заданием и добродетелью...» [12].

Не удивительно, что *комплекс самой украинской нации* можно определить именно как «*комплекс иерогамии*» — «желание священного брака», жажда «у-Закониться», «у-Краяться» в Традиции. То есть найти компромисс в противоречии между нереалистичной, казалось бы, сущностью великой объединяющей Правды и императивной потребностью, неукоснительной нуждой в ней [13, с. 244]. Именно эта жажда проявилась в поисках суверена Украиной как в политической плоскости (Москва, Варшава, Стокгольм, Берлин, Вашингтон), так и культурной (Москва, «психологическая Европа», Нью-Йорк). Отсюда же поиски «украинскости» в самых различных Традициях: в тризубах Атлантиды, иероглифах Шумера и Китая, чубах-«оселедцях» на фресках египетских пирамид, в лексемах этрусского и пелазгийского языков, а также обнаружение параллелей арийским символам и буддистским позам на украинских вышивках и изображениях казака Мамаю (благо, и опыт предыдущий есть — поиски украинско-казацкой идентичности в роксоланах-сарматах и хазарах [14, с. 136, 166—168]). Компендиум таких исканий осуществила журналист ТВО «Ника» Мирослава Збожна в телефильме «Иррациональные миры сновидений».

Но до сих пор эти поиски встречены украинской общественностью в массе своей без того энтузиазма, который сопровождал в Германии первых двух десятилетий XX века аналогичные «открытия» индогерманских (арийских) следов и который, в конце концов, сыграл свою роль в приведении к власти нацистов с их учреждением «Академия родового наследия» («Аненербе»).

Обусловлено это неприятие именно тем, что *общество не желает пребывать в жёстких континуально-логических всеобщих обязательствах* (в том числе «праарийских», «общеславянских», «общерусских», «советских» и даже «соборно-украинских»). Оно, скорее всего, готово принять и осмыслить в себе все тенденции мирового духовно-культурного развития (эволюционировать и обогащаться по принципу народной сказки «Кто-кто в домике живет?» — то есть развиваться и дополняться новым, не отказываясь от старого) — и западноевропейскую философию, и православный исихазм, и афроамериканские ритмы, и латиноамериканские сериалы, и индийскую религиозную практику, и юнгианскую соционику, и ультраправый национализм (как украинский, так и в форме «рашизма»), и космополитические тенденции информационной эры и т.д. Этим она «... возносит себя к значению Эдема Свободы» [15, с. 6], ведь познание, ищущее твёрдости, убежденности, нерушимости очевидного и неукоснительности «необходимого» (ананкэ) оказываются синонимами насилия. Именно поэтому *предки украинцев отбросили рассудительно-рационалистическую религию*

(иудаизм, ислам, католичество) с её «непрямым», «Книжным» общением с Божественным (трансценденцией), с её методом уничтожения всех, кто думает и чувствует и хочет иначе, чем «мы». Русичи избрали достижение единства между людьми в «экзистенциальной коммуникации» — соборности мистико-энтузиастического православия (ортодоксии), именно в нем «народ выявил себя естественно» (Н. Костомаров).

Но семиотический рок Украины определяется тем, что ей, «как запредельной остальному миру реальности», необходим более чем один язык (минимально два) для отражения этой «запредельной реальности» и чтобы пространство реальности охватывалось не одним языком в отдельности, а только их совокупностью, как бы накладываясь друг на друга, по разному отражая одно и то же, создавая качественно новое, построенное на противоречии между внешностью и сущностью [8, с. 9 – 10]. Этим Украина, скорее всего, хранит преданность первоначально индоевропейской культуры, где царствуют одновременно два языка — «язык богов» и «язык людей» (вернее, один «двуипостасный» язык, «гетерогенное одноязычие»), обслуживая разные сферы культуры.

Список литературы и источников.

1. Гачев Г. Д. Европейские образы Пространства и Времени // Культура, человек, картина мира / Отв. ред. А. И. Арнольдов, Б. А. Кругликов. — М.: Наука, 1987. — С. 198—227.
2. Бердяев Н. Судьба России: Опыты по психологии войны и национальности. — М.: Мысль, 1990. — 207 с.
3. Василенко Н. А. «Очарованный странник» против «экономического человека» // Русский узел: Идеи и прогнозы журнала «Москва» / Сост. С. Селиванова. — М.: Москва, 1999. — С. 70—79.
4. Ахиезер А. С. Диалектика урбанизации и миграции в России // Общественные науки и современность. 2000. № 1. — С. 78—89.
5. Ключевский В. О. Сочинения: в 8 тт. — М.: Госполитиздат, 1956. Т. 1. — 427 с.
6. Шестов Л. Афины и Иерусалим. — М.: АСТ: Фолио, 2001. — 394 с.
7. Шоркін О. Д. Схеми універсумів: Методологічний проект зв'язності культур : автореф. дис. ... докт. філос. наук. — К.: Вид-во КДУ, 1999. — 32 с.
8. Лотман Ю. М. Культура и взрыв. — М.: Гнозис; ИГ «Прогресс», 1992. — 272 с.
9. Элиаде М. Священное и мирское / Перев. с фр., предисл. и коммент. Н.К. Гарбовского. — М.: Изд-во МГУ, 1994. — 144 с.
10. Сиоран Э. М. Испытание существованием / Пер. с фр. — М.: Республика; Палимпсест, 2003. — 431 с.

11. Дугин А. Г. Основы геополитики: Геополитическое будущее России. — М.: Арктогея, 1997. — 608 с.
12. Холмогоров Е. Сказание о граде Китеже. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://c-society.ru/wind.php?ID=449172> (дата обращения 13.02.2012)
13. Тamarченко Е. Идея Правды в «Тихом Доне» // Новый мир. 1990. № 6. С. 237—248.
14. Мала енциклопедія етнодержавознавства / Від. ред., керівн. автор. колект. Ю. І. Римаренко. — К.: Генеза; Довіра, 1996. — 942 с.
15. Єшкілев В. Л. Герменевтика російської ойкумени // Точка зору: громадська газета. Івано-Франківськ, 1997. № 1. С. 4—6.